

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 25

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

21 НОЯБРЯ.

Рис. А. Радакова.

ВЪ БЮРОКРАТИЧЕСКИХЪ „СФЕРАХЪ“,

Критикуйте насъ пишите о насъ, только будьте объективны...

188/151
sk-8

Рис. А. Яковлева.

Новосибирская
областная научная
Библиотека
№ 8717115 / 7570

Въ ночь съ 15 на 16 Ноября отошелъ въ лучший мѣръ сотрудникъ „Новаго Сатирикона“ Оома Опискинъ.

Слезы застилаютъ наши глаза, и потому подробности этого тяжелаго факта мы вынуждены отложить до слѣдующаго номера журнала.

Покойный страдалъ аппендицитомъ. Последнее время ему сдѣлалось лучше, но конфискація номера „Новаго Сатирикона“ комитетомъ по дѣламъ печати, такъ потрясла нервнаго больного, что онъ не могъ пережить этого...

Умеръ Оома Опискинъ, какъ герой. Последнія слова его были:

— Друзья! Не вѣрьте октябристамъ. Все время обманывали и еще разъ обма...

И, опустивъ голову на изголовье кровати, это чистое, благородное существо испустило духъ.

Спи!

ПОБѢДИТЕЛЬ.

(Посмертный фельетонъ † Оомы Опискина).

Исправникъ захрипѣлъ трубкой и спросилъ:

— Извѣстно ли вамъ, что по новому закону о печати, — вы безъ моего разрѣшенія не можете начать изданіе газеты?!

— А это еще почему? — спросилъ редакторъ, напустивъ на лицо жалкій остатокъ независимости, который онъ долго берѣгъ на этотъ случай.

— А потому. Потому что по новому закону о печати, въ мѣстахъ съ населеніемъ менѣе 10.000 — издатель обязанъ брать на изданіе газеты предварительное разрѣшеніе.

— Такъ вотъ вы мнѣ и разрѣшите.

— Не могу. Разъ законъ предоставляетъ мнѣ право — разрѣшать или не разрѣшать по моему усмотрѣнію — я не разрѣшаю. Дуракъ я что-ли, чтобы разрѣшить!

— Значитъ, явочный порядокъ — ау?

— Ау.

Тихо застонавъ, выбѣжалъ редакторъ отъ исправника.

* * *

Войдя къ исправнику, положилъ редакторъ ему на столъ голстую тетрадь.

— Это что?

— Списокъ жителей нашей Свиной Прогалины. Самъ ходилъ, составлялъ списки. Ровно десять тысячъ.

— Не можетъ быть! По нашимъ полицейскимъ свѣдѣніямъ было всего 9998 человекъ.

— Эва! Ваши полицейскія свѣдѣнія!!.. А знаете-ли вы, что вчера у вдовы Сморкалиной и у дьяконовой стряпухи родилось по ребенку.

— Это пустяки, — захрипѣлъ трубкой исправникъ, стараясь скрыть охватившее его волненіе. — Это не считается, эти ребеночки. Что жъ они сразу и начнутъ читать вашу газету, что-ли?

— Начнутъ тамъ или не начнутъ, — окончательно приободрившись, сказалъ редакторъ, — въ законѣ возрастъ этихъ 10.000 не указанъ. Такъ что начихать я хотѣлъ на вашъ разрѣшительный порядокъ.

— А это мы еще посмотримъ! Епимендьевъ, — обратился исправникъ къ письмоводителю — сходи къ Сморкалиной и къ стряпухѣ и узнай, какъ здоровье ихъ младенцевъ. Можетъ, который-нибудь изъ нихъ и померъ. Эти младенцы вѣдь мрутъ преотчаянно.

Редакторъ поблѣднѣлъ.

* * *

Въ тотъ же день отъ редактора были доставлены на имя Сморкалиной и дьяконовой стряпухи — разные медикаменты, теплая одѣяльца, и пріѣхалъ фельдшеръ Максимъ Семенычъ, — съ цѣлью слѣдить за здоровьемъ новорожденныхъ.

* * *

— Ну, вотъ, — весело говорилъ черезъ три дня редакторъ. — Вотъ вамъ и младенцы. Живехоньки! Теперь всего ровно 10.000 человекъ... Завтра же и начну выпускать газету. Разрѣшеніе-то, всетаки, явочное, хе-хе! Мнѣ-то за нимъ зайти будетъ некогда, такъ вы его секретарю моему выдайте. Вотъ онъ со мной пришелъ. Познакомьтесь.

— Это вашъ секретарь?

— Да-съ. Прошу любить да жаловать.

— Онъ въ число 10.000 входитъ?

— А то какъ-же! Не будь его — ничего бы и не вышло...

— А что это у него изъ кармана торчитъ? — вдругъ спросилъ исправникъ.

— Это у меня бензина бутылочка, — сконфузился секретарь. — Купилъ, чтобы съ сюртука пятна вывести.

— Епимендьевъ, — обратился исправникъ къ секретарю. — Бензинъ вѣдь взрывчатое вещество?

— Такъ точно. Взрывается.

— А что полагается за храненіе взрывчатыхъ веществъ?

— Высылка изъ губерніи.

— Епимендьевъ, — твердо сказалъ исправникъ. — Напиши бумагу о немедленной высылкѣ этого секретаря изъ губерніи и другую бумагу съ отказомъ въ разрѣшеніи газеты, вслѣдствіе количества жителей, не достигающаго 10.000.

Редакторъ, стеная, схватился за голову.

* * *

Была ночь. Луна спряталась за зловѣщія облака. Бродячій торговецъ бусами, иглками и прочей дрянью, тихо брелъ по опушкѣ лѣса, таща на спинѣ своей тяжелой коробъ.

— Стой!! — загремѣлъ грозный голосъ.

Торговецъ упалъ на колѣни и простеръ дрожащія руки.

— О, не убивай меня, лихой человекъ!!

— Не лихой я человекъ, а мирный я редакторъ будущей здѣшной газеты, — отвѣчалъ ему изъ кустовъ голосъ. — И не грабитель я тебя хочу, а предложить ком-

бинацию: поживи у меня немного на всемъ готовомъ и на жалованіи два рубля въ день. Пей, ѣшь, гуляй, пока не родится еще кто-нибудь. А тамъ иди съ Богомъ. И безъ тебя тогда 10.000 будетъ.

И тутъ же — озаряемые тусклымъ свѣтомъ луны — на опушкѣ лѣса заключили позорный торгъ.

* * *

— Такъ вы значитъ, г. исправникъ, моего торговца выселяете? За что-же, смѣю спросить?

— У меня есть свѣдѣнія, что онъ австрійскій шпионъ.

— Это въ нашей-то Свиной Прогалинѣ?! Да для чего бы онъ сюда забрался? Костюшкины огороды срисовывать, или Ежовый оврагъ, въ который бабы мусоръ сваливаютъ? Очень это австрійцамъ нужно!

— Прошу государственной обороны не касаться. Епимендьевъ — вышли шпиона!

— Ахъ, такъ?! — вскричалъ редакторъ. — Такъ знайте-же, что я газету все-таки выпускать буду: у лавочника Медвѣдакина родилась сейчасъ дѣвочка.

— Быть не можетъ?!!

— Вотъ вамъ и не можетъ. Сейчасъ повитуха туда потребована, фельдшеръ, тетка Медвѣдакина туда же побѣжала и сестры Хрупачевы, подружки жены Медвѣдакина.

— Это что же ихъ — пять человекъ постороннихъ въ одной квартирѣ?!.. Незаконное сборище? Митингъ? Епимендьевъ, — на основаніи усиленной охраны — пошли-ка бумажку о высылкѣ. Тамъ теперь сколько у насъ жителей? Спутаетесь съ вами.

— Съ младенцемъ ровно 10.000.

— Вотъ ты сестеръ Хрупачевыхъ мнѣ и вышли. Да можно еще и фельдшера махнуть. Больно онъ мастеръ о Думѣ разговаривать. Теперь сколько останется?

— 9997 человекъ-съ, — отчеканилъ сообразительный Епимендьевъ.

* * *

Но онъ ошибся. Въ этотъ самый моментъ получилось 9996 человекъ, потому что редакторъ вышелъ въ исправничью переднюю и, высыпавъ на языкъ какой-то бѣлый порошокъ — проглотилъ его.

* * *

Свинопрогалинцы читаютъ теперь только то, что написано на заборахъ.

Есть тамъ часть официальная, есть и неофициальная, — которую исправничій разсылный Харитошка усердно затираетъ тряпкой.

Тома Опискинъ.

СТРОЙНАЯ СИСТЕМА.

— Папа, какъ отличить зайца отъ зайчихи?
— Очень просто, душечка, по скачкамъ.
— Какъ по скачкамъ?
— А такъ, если Онъ скачетъ, такъ это заяцъ, а если Она скачетъ, то это зайчиха.

ВЫСТАВКА

КАРИКАТУРЪ и РИСУНКОВЪ

художниковъ „НОВАГО САТИРИКОНА“

ОТКРЫВАЕТСЯ ВЪ 20-ХЪ ЧИСЛАХЪ НОЯБРЯ.

Выставка будетъ помѣщаться въ „Художественномъ бюро Н. Е. Добычиной“.

МОЙКА, 63.

МИЛОЕ ДИТЯ.

— Отчего это у вашего Петьки всегда такія грязныя руки?

— Потому что этотъ замарашка, — отвѣчаетъ мать, — постоянно хватается ими за лицо.

С. Ш-овъ.

БЫЛИНА СОВРЕМЕННОСТИ.

Октябристамъ посвящаю.

Скверно Муромцу, хоть лопни... Опустилъ тяжелый щитъ,

Передъ камнемъ на дорогѣ носъ повѣсилъ и стоитъ. Надпись ясная на камнѣ, что закрыты всѣ пути, Ни направо, ни налево, ни впередъ нельзя идти.

Кто-то ясно и любезно, какъ по пунктамъ, разъяснилъ: Если двинешься налево — бѣлый свѣтъ не будетъ милъ,

Если путь возьмешь направо — мигомъ волки разорвутъ, Прямо будешь лѣзть, какъ прежде — все равно тебѣ — капутъ.

Скверно Муромцу и стыдно — багровѣетъ отъ стыда, Пятерней скребетъ въ затылкѣ — ни туда и ни сюда. Вдругъ — нашелся, веселѣетъ и волненіемъ объять, Богатырь кричитъ:

— Извозчикъ!.. За двугривенный — назадъ!..

Арк. Буховъ.

Рис. И. Я. Билибина.

БОГАТЫРЬ.

СОЛДАТЪ И ПОМИРУШКА.

СКАЗКА АЛЕКСАНДРА РОСЛАВЛЕВА. ИЛЛЮСТРАЦИИ А. ЮНГЕРА.

(Окончаніе).

Думу думая, сѣлъ у оконца,
 Пригорюнился, глядя на солнце,
 Что въ рудой замутилось дали...
 Вдругъ, какъ грибокъ изъ земли,
 Помірушка,
 Помірушка — хромая старушка...
 Развязала суму
 И ему
 Подаетъ два моточка
 Каточка,
 Гребешокъ
 И горшокъ.
 — „Вотъ тебѣ, говоритъ, мой сударикъ...
 За тотъ, за сухарикъ.
 Жди-сиди, — не тужи,
 Ночь придетъ — сторожи,
 Самъ смекнешь, что къ чему, а покуда,
 Молодцу около дѣвки не худо“.
 На царевну мигнула, смѣясь,
 И, что дымъ, разошлась.
 Только церкви, сады съ теремами,
 Птица-ночь осѣнила крылами
 И раскинула по небу хвостъ
 Многозвѣздъ.
 Изъ угла, криворогій,
 Безъ пупа, тонконогій,
 Сгорбленъ, куцъ и мухортъ
 Вылѣзъ чортъ.
 — „Эхе, хе! — говоритъ — вотъ ѣда-то!
 Не ѣдалъ я ни разу солдата!..“
 — „А я такъ ѣдалъ васъ, чертей,
 Только были тѣ черти жирнѣй,
 А такого зубамъ лишь ломаю,
 И ѣсть не охота!“
 Чортъ согнулся въ крючокъ,
 Съ ноги на ногу скокъ
 И косится:
 Видать, что боится...
 — „Ишь, сердитый какой!
 Не пошутишь съ тобой!
 Хочешь золота бочку
 За царскую дочку?“
 А солдатъ молодець
 На весь свѣтъ удалецъ:
 Поймалъ за рога да въ охапку.
 Обернулся чортъ въ смрадную тряпку,
 Завизжалъ, запищалъ
 И пропалъ.
 Часъ прошелъ, вылѣзаетъ рогатый,
 Съ самокидкой-лопатой.
 — „Кинь, кричитъ, въ небеса,
 За моря, за лѣса!“
 Подхватила бѣ лопата
 Солдата,
 Полетѣлъ бы за край онъ земли,
 Да мотки помогли:
 Всю опутали сразу, —
 Ни маху, ни лазу.
 Чортъ и такъ, и сякъ — не распутать никакъ.
 А солдатъ за тесакъ
 И отсѣкъ ему ногу.
 Сталъ чортъ кликать своихъ на помощь:
 Изъ всѣхъ тутъ шелей
 Поналѣзло чертей,
 И рыжихъ, и сивыхъ,
 И кривыхъ, и плѣшивыхъ.
 Лай и визгъ, стукотня,
 Верти-хвостъ, бѣготня...

Надъ царевней поганиться стали, —
 Оплевали ее...
 Но солдату помогъ
 Тутъ старухинъ горшокъ:
 Вдругъ раздулся и сталъ, что корчага —
 Заиграла въ немъ брага.
 Черти брагу лакать,
 Пѣсни пѣть-и плясать.
 Чѣмъ болѣ хмелѣютъ,
 Тѣмъ болѣ худѣютъ...
 Диву дался солдатъ.
 Покидалъ ихъ въ мѣшокъ, что котятъ.
 Кликнулъ слугъ, приказалъ имъ: „Бѣгите“,
 Мнѣ желѣзный ларецъ принесете!
 ...И въ ларецъ тотъ запряталъ мѣшокъ
 Подъ замокъ.
 А царевна Умила
 Звала и молила.
 Шерсть щетиною встала на ней,
 Кровь текла изъ закрытыхъ очей.
 Радъ солдатъ, что съ чертями онъ сладилъ,
 Отъ царевны отвадилъ...
 Сталъ онъ шерсть ей чесать гребешкомъ,
 И клокъ за клокомъ
 Выпадала она, истлѣвала,
 И царевна здоровою стала.
 Вставши съ ранней зарей.
 Входитъ царь во покой.
 Затряслась борода его гнѣвно:
 На кровати солдатъ и царевна —
 Обнявшись, лежать.
 — „Ну, не чайлъ, солдатъ,
 Посмѣялся же ты надо мною,
 Надъ моею сѣдой головою,
 Обезчестилъ отца,
 Не дождался вѣнца.
 Ишь, блудливый кобель, животное!
 Такъ не будетъ тебѣ ни алтына!
 Запытаю въ цѣпяхъ,
 Заморю въ погребахъ“...
 А царевна: — „Помилуй, родитель!
 Коль ты лютый мнѣ врагъ и мучитель,
 Такъ казни и меня:
 Нѣтъ безъ солнышка дня“.
 Но солдата связали
 И взяли.
 Убивалась краса, что осенняя ночь:
 Какъ милóму помочь?
 Глядь — стоитъ подъ окномъ помірушка,
 Помірушка — хромая старушка.
 Молвить старица ей:
 — „Не труди понапрасну очей
 Горевыми слезами,
 Быть не долго дружку подъ замками.
 Сложитъ гнѣвъъ царь-отецъ.
 Подъ кроватью поставленъ ларецъ.
 Сговорись со слугою,
 Подкупи дорогою цѣною
 И пошли его съ этимъ ларцомъ
 Къ милу-другу тайкомъ“.
 Лишь сказала, —
 Взмелась и пропала...
 Смерти ждалъ молодець,
 Вдругъ слуга отъ царевны приноситъ ларецъ.
 Взыли черти... — „Ой, моченьки нѣту!
 Неужли не увидѣтъ намъ свѣту?
 Отпусти ты насъ въ адъ,
 Солдатъ.“

Что ты зря-то насъ мучишь?
Требуи выкупъ любой и получишь,
Погреба разобьемъ,
И царя изведемъ,
Пособимъ на царевнѣ жениться,
Будешь жить, поживать, веселиться“.
„Нѣту вѣры-то вамъ,
Чертямъ“.
— „Раньше времени зря попрекаешь,
Отпусти одного и узнаешь“.
— „Хорошо! — согласился солдатъ —
Только знай, что спущусь я и въ адъ,
Коль обманешь меня ты,
Не уйдешь отъ расплаты!“

Прыгнулъ чортъ изъ ларца,
Словно тать, средь двorca
Очутился
И царю въ бородишу вцѣпился..
Царь вопить: — „Отпусти!“
Чортъ: — „Солдата прости!“
И простилъ... хоть и было досадно:
Да коль чортъ въ боролѣ-то! — неладно...

На царевнѣ женился солдатъ.
Съ той поры онъ въ чести и богатъ,
И, сядя съ женой за пирушку,
Поминаетъ добромъ помірушку,
Помірушку — хромую старушку.

Александръ Рославлевъ.

ЧЕРНАЯ ДОСКА.

г. „НО“.

Выдержки изъ романовъ Ольги Умой, Ксаверии Листопадовой, Ирины Чарусской, Людмилы Багряной и имъ подобныхъ:

- Жутко сознаться, но мой сынъ сталъ игрокомъ! О, проклятіе!
- Онъ хотѣлъ цѣловать ее, но тутъ-же рухнулъ на полъ.
- Она оскорбила эту женщину, но она не знала, что это ее мать!
- И пожала руку этому бѣдному, но благородному господину.
- Это была блѣдная, но игривая дѣвушка.
- Она поправила свои каштановые, но густые волосы.
- О, несчастная! Твоя сестра шансонетка, но сохранила невинность!
- Дубницкая вздохнула, но сказала
- Вы смѣшны своей трусостью, но красивы.
- И отрубилъ палачъ эту безумную, но правдивую голову.
- Морозъ крѣпчалъ, но было очень пріятно гулять.
- Вы рассказали мнѣ свою жизнь, но знайте-же и мою!
- Но если она не влюбила женскаго персонала честныхъ труженицъ, зато къ мужскому персоналу тружениковъ относилась кокетливо.
- Въ одинъ изъ буднихъ, но свободныхъ отъ работы въ частномъ банкѣ вечеромъ, она зашла въ небольшую, но чистенькую квартирку своей начальницы, но все-же подруги Каминской.
- Вы удивлены? Но знайте: я мучаюсь уже 17 сутокъ!
- Я не поэтесса, но люблю родину.
- Я писала-бы тебѣ, мой дорогой читатель, безъ конца, но ставлю точку.

2. ТОНЧАЙШИЙ ЮМОРЪ.

Къ сожалѣнію, нижеприведенное не сокровища „почтовыхъ ящиковъ“. Ей Богу — нѣтъ. Это тотъ самый высокопробный тонкій юморъ, которымъ до сихъ поръ угощаютъ читателя наши юмористическіе журналы. (Выбрано изъ русскихъ юмористическихъ журналовъ 1912—1913 г.). Не угодно-ли:

- Недоразуміе.* — Вы инженеръ? — Нѣтъ, я дѣвица.
- Франуженка.* — Вы говорите по-французски? — Нѣтъ, я только бонжуркаюсь и мерсикаюсь.
- Успокойте.* — А вы сумѣете завить меня? — Будьте покойны, въ нашемъ кварталѣ всѣ пуделя мною завиты.
- Злая собака.* — Что случилось съ вашей собакой? Всегда такая злая, а сейчасъ — смотрите — дрожить отъ страха. — Это она увидѣла въ окнѣ мою тещу.
- Умная дѣвочка.* — Мама, ты развѣ депутатка въ Государственной Думѣ четвертаго созыва? — Почему это, дѣтка? — А ты, мама, цѣлыми днями ничего не дѣлаешь!
- Охъ, эти дѣти!* — Бабушка, а развѣ ты ходить не можешь, что тебя носятъ? — Какъ носятъ внучекъ? — А папа говорить: „опять ее черти принесли!“
- Невозможное — невозможно.* — Начальникъ распекаетъ подчиненнаго: — Сморгковъ! Сколько разъ я вамъ говорилъ это, а вы и въ усь себя не дуετε! — Невозможно ваше-ство, не могу дунуть — я вѣдь усы брѣю *).
- Къ слову.* — Такъ вы не положите гнѣва на милость? — Положу, но только положите сначала на мое имя десять тысячъ.
- Но, вотъ шедевръ русской юмористики:
- Разница.* — Какая разница между Адамомъ и Евою? — Не знаю. — Эхъ, вы! У Адама „а“ на передку, а у Евы на задку.

Выбралъ Евграфъ Дольскій.

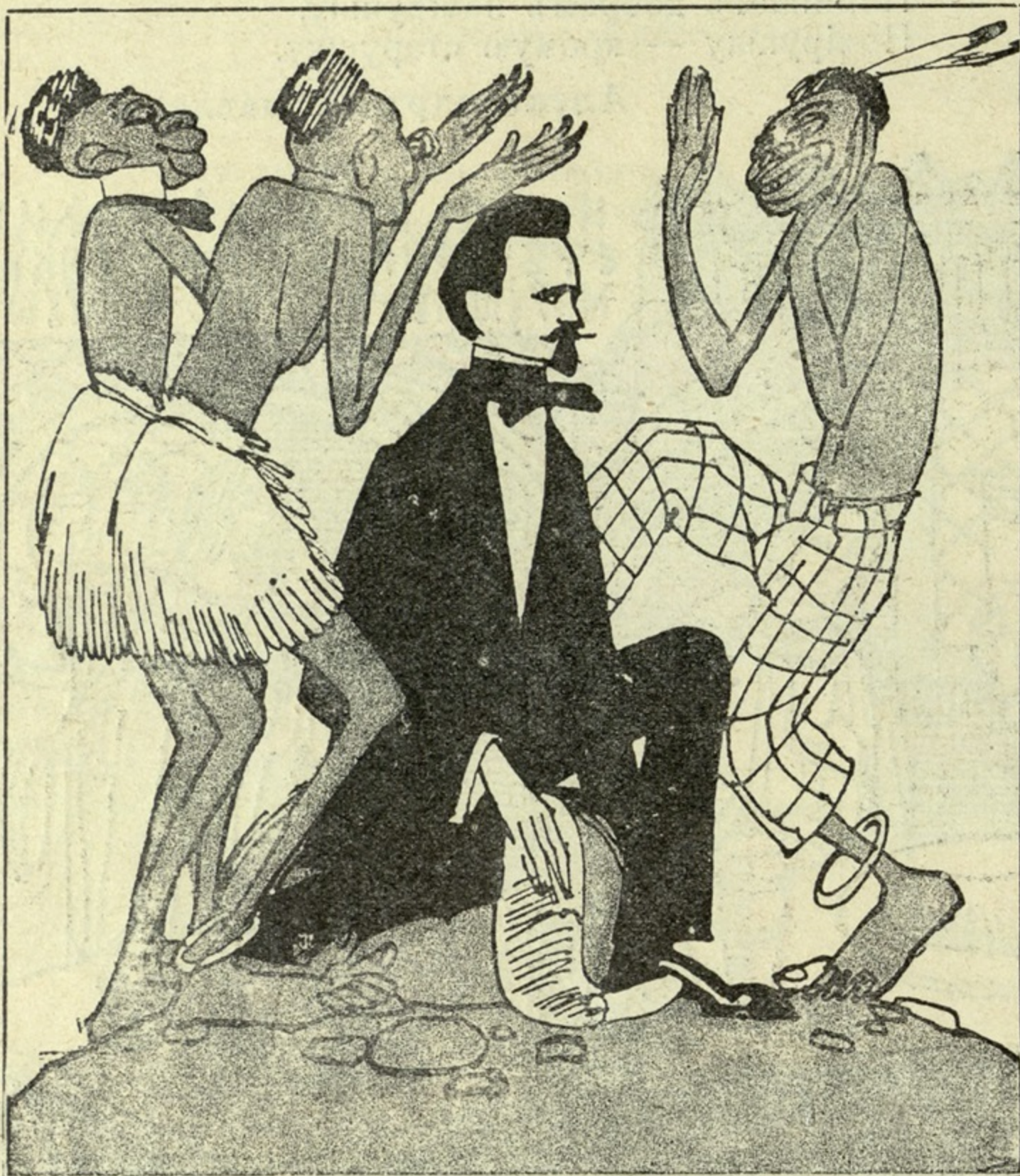
*) Такъ и напечатано: „брѣю“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Готовится къ печати исключительный специальный номеръ — цѣликомъ посвященный исполнившемуся въ текущемъ году пятилѣтню существованія коллектива „Сатириконцевъ“.

У ДИКАРЕЙ.

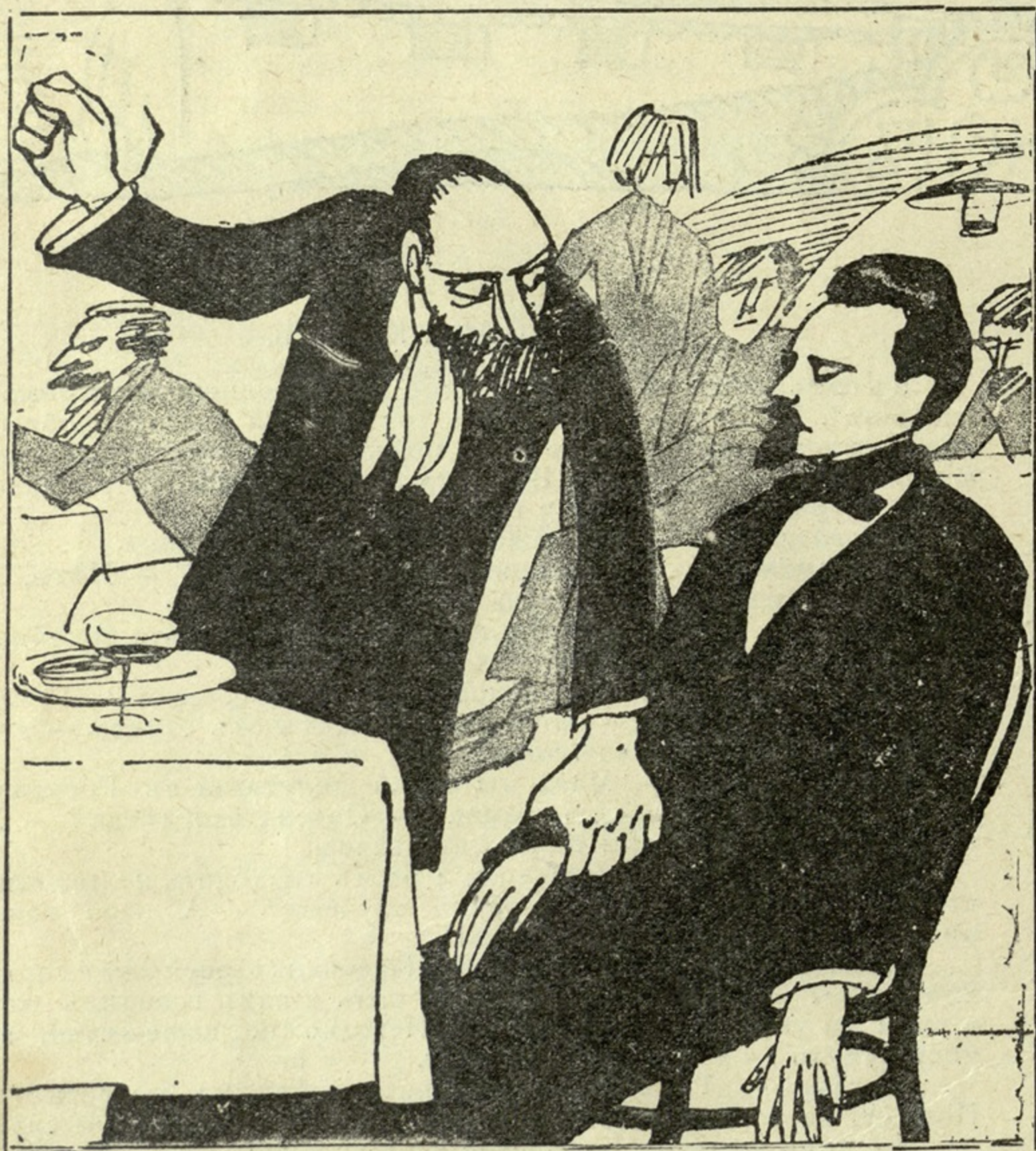
Рис. В. Лебедева.

„Жители острова Фиджи радушно привѣтствовали меня и устроили въ честь мою танцы“.

(Изъ лекцій Бальмонта).

У ЕВРОПЕЙЦЕВЪ.

Во время чествованія Бальмонта въ „Обществѣ друзей Интимнаго театра“, какой-то невѣдомый субъектъ оскорбилъ поэта дѣйствіемъ.

(Газетная хроника).

НАШЕ.

1.

Въ странѣ Суоми, гдѣ, колеблемы нордомъ,
Корявыя ели качали щетиной,
Вдали отъ людей, въ одиночествѣ гордомъ,
Томился художникъ надъ дивной картиной.
Бросая на холстѣ гармоничныя пятна,
Художникъ испытывалъ радость и муки,
Уста его что-то шептали невнятно,
Горѣли огнемъ геніальныя руки.
Хотѣлось ему — послѣ тяжкихъ исканій —
Въ упоръ подойти къ исторической драмѣ,
Хотѣлось ему, чтобы призракъ страданій
На вѣки остался въ вещественной рамѣ;
Что-бъ въ свѣтѣ таланта, какъ въ блескѣ зарницы,
Подъ шелестъ томленья и робкіе вздохи
Узрѣли бы люди больныя страницы,
Излитыя ими въ былыя эпохи...
Въ странѣ Суоми, гдѣ, колеблемы нордомъ,
Корявыя ели качали щетиной,
Вдали отъ людей, въ одиночествѣ гордомъ,
Томился художникъ надъ дивной картиной.

2.

Вдали отъ людей съ ихъ пустой суетою
Подъ гнетомъ слѣпой неприглядной судьбины —
Томился поэтъ голубою мечтою
Проникнуть душою въ нѣмыя глубины.
То тихой тоской, какъ подбитая птица,
То смѣлой волною пьянящаго гнѣва —
Звучала его золотая пѣвница,
Струились потоки живого напѣва:
То звонко рыдали, то дѣлались глуше,
То звали впередъ къ неизвѣданной цѣли,
То падали ядомъ въ открытыя души,
То пѣсню о родинѣ сладостно пѣли:
„Есть въ русской природѣ усталая нѣжность,
„Безмолвная боль затаенной печали,
„Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
„Глубокая высь... уходящія дали...
„Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора —
„Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
„Темнѣетъ громада застывшаго бора,
„И сердцу такъ больно... И сердце не радо“.
... Томился поэтъ своей грустью святою,
И падали слезы его, какъ рубины,
И тихо горѣлъ голубою мечтою
Проникнуть душою въ нѣмыя глубины.

3.

А тамъ, на задворкахъ русской культуры,
Среди фиміама отбросовъ и хлама
Уныло слагались иныя натуры —
Носители дикаго русскаго „хама“.
Рожденные мракомъ на свалочномъ мѣстѣ,
Вспоенные ядомъ тупыхъ притязаній —
Горѣли тоскою по буйномъ протестѣ,
По пламенномъ жестѣ великихъ дерзаній.
Лишенные разума, совѣсти, цѣли,
Томимы завистью, — долго, вѣками,
„Дерзать“ головою они не умѣли
И вотъ — всенародно дерзаютъ руками:
Недавно къ картинѣ пустили кретина,
И слышали всѣ изъ газетнаго гама, —
Во что обратилась святая картина
Подъ жестомъ руки всероссійскаго хама.
Сегодня другой — полоумный ублюдокъ,
Въ которомъ угасли уже безъ просвѣта
И совѣсть, и стыдъ, и убогій разсудокъ, —
Подъемлетъ копыто на лавры поэта.
А завтра — какой-нибудь глупый и пьяный —
Ну, скажемъ, изъ ухарства что-ли пустого —
Тайкомъ проберется до Ясной Поляны
И сниметъ штаны надъ могилой Толстого.
Руссійскаго хамства восходитъ безбрежность...
Да, милый поэтъ, вы удачно сказали:
„Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали!“

Владиміръ Воиновъ.

ПАЛАСЬ-ТЕАТРЪ. „БЪГЛАЯ“.

(Первая (?) русская національная (?) оперетка Н. Евреинова и Льва Урванцова).

Н. Евреиновъ — счастливая натура: о немъ всѣ отзываются съ восторгомъ.

Однажды я спросилъ знакомаго композитора:

— Какъ вы находите Евреинова?

— Замѣчательный юмористъ, — одобрительно сказалъ композиторъ. — Острая голова.

— Да нѣтъ, я васъ о немъ, не какъ о юмористѣ спрашиваю. А какъ о музыкантѣ.

— Какъ о музыкантѣ, простите, ничего не могу сказать. А какъ юмористъ, кажется, очень тонкій. Мѣткій такой, острый.

Тогда я обратился къ знакомому юмористу.

— Какъ находите Евреинова?

— О, крупная фигура! Настоящій, Божьей милостью, музыкантъ. Прямо — русскій Римскій-Корсаковъ.

Одинъ лихой наѣздникъ-кавалеристъ при мнѣ восторженно отзывался объ Евреиновѣ, какъ о режиссерѣ, а знакомый режиссеръ говорилъ мнѣ, что онъ рѣдко видѣлъ, чтобы такъ ѣздили на верблюдѣ, какъ Евреиновъ.

Я думаю, если-бы могъ заговорить верблюдъ, — то и онъ-бы похвалилъ Евреинова за что-нибудь, — если не за монографіи о художникахъ, то за талантливую апологию „наготы на сценѣ“.

Даже бѣдная, забытая хористка Палась-Театра, прошлымъ лѣтомъ, во время лекціи Евреинова о возрожденіи оперетки — похвалила его:

— Красивые волосы у этого, который разговариваетъ.

Этотъ шопотъ восторга, всегда окружающій молодого юмориста композитора — подвинулъ его на благое дѣло: написать оперетку.

Директоръ Палась-Театра Мозговъ спросилъ Евреинова:

— Можете возродить оперетку?

— Хорошо, возродю, — сказалъ Евреиновъ.

Потомъ поправился:

— Хорошо, возрожу. Возрожду. Однимъ словомъ — будетъ сдѣлано.

Сказано — сдѣлано.

По мысли Евреинова, которую онъ выразилъ даже на афишѣ, оперетка должна быть:

- 1) Первая.
- 2) Русская.
- 3) Национальная.

Весь Петербургъ собрался на первое представленіе оперетки своего любимца.

Были всѣ — композиторы, юмористы, режиссеры, наѣздники и хористки — всѣ, кромѣ верблюда...

И всѣ остались въ восторгѣ.

— Замѣчательная музыка, — кричалъ кавалеристъ, хлопая себя по рейтузамъ.

— Это что, — говорили музыканты. — Музыка плевое дѣло... А вотъ каковъ юморъ. Мечниковъ! Настоящій Микель-Анджело.

— А постановочка, — облизывалась хористка. — Дастъ-же Богъ!..

— Красивыя кудри, — задумчиво говорилъ крупный режиссеръ. — Онѣ мнѣ очень нравятся. Лицо получается такое одухотворенное.

— За что я уважаю Евреинова, — вскричалъ юмористъ, — такъ это за декорации! Восхитительныя декорации.

Съ этимъ согласился даже художникъ.

— Замѣчательныя. Только ихъ, кажется, писалъ не Евреиновъ, а Судейкинъ.

— За что же я Евреинова и уважаю!

Такимъ образомъ, разногласія не было — всѣ были отъ оперетки въ восторгѣ.

И дѣйствительно — оперетка „Бѣглая“ сдѣлалась Маскоттой Палась-Театра. Она выдержала четыре рядовыхъ битковыхъ представленія, съ аншлагомъ, все время висѣвшимъ внутри кассы, лицомъ къ стѣнѣ:

— Всѣ билеты проданы.

Болѣе того — дирекція ухитрилась продавать мѣста даже по два раза въ вечеръ, потому-что часть публики подъ наплывомъ волновавшихся ее чувствъ уходила домой послѣ перваго акта, очищая стулья для другихъ счастливицевъ.

Автору много хлопали.

Я самъ видѣлъ, какъ кавалеристъ хлопнулъ въ буфетъ рюмку водки, и польщенный авторъ сейчасъ-же вышелъ на эта безчисленные вызовы. Раскланивался.

Пишущій эти строки не будетъ рассказывать содержанія оперетки „Бѣглая“.

Въ публикѣ говорили, что Юрій Бѣляевъ свою популярную „Псишу“ почти цѣликомъ позаимствовалъ изъ „Бѣглой“ — и всѣ удивлялись, какъ это Евреиновъ стерпѣлъ.

Еще до постановки „Бѣглой“ всѣ были увѣрены, что эта на шумѣвшая оперетка будетъ гвоздемъ.

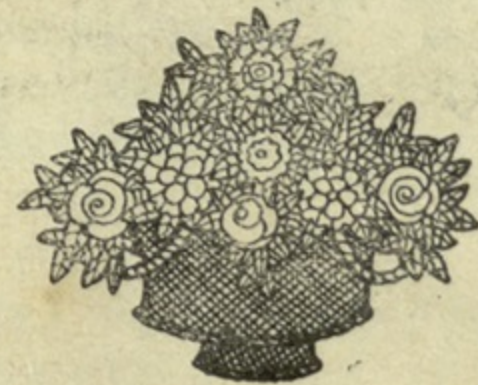
И, дѣйствительно, „Бѣглая“ оказалась гвоздемъ, на которомъ дирекція Палась-Театра, въ числѣ пяти членовъ, можетъ свободно продержаться...

Рецензентъ.

ВЕСНОЙ.

Я не знаю, что такое осока,
Тихій берегъ и плакучая ива...
Я живу подъ самой крышей, высоко,
Жизнь моя — молчалива...
Ни полей, ни лѣсовъ я не видѣлъ,
А говорятъ, что они есть въ самомъ дѣлѣ...
Мнѣ кажется, меня кто-то обидѣлъ —
Это было на прошлой недѣлѣ...
На прошлой недѣлѣ мнѣ сказалъ кто-то,
Что я слѣпъ, что я не знаю природы,
Что меня задушила работа
И что дѣти мои — такіе уроды...
Но это невѣрно, ну, правда-же, невѣрно...
Мои дѣти хороши, хотя бѣдны...
Я бѣденъ, и ѣдятъ они скверно,
Оттого личики ихъ безцвѣтны и блѣдны...
Я много вижу черезъ маленькое оконце,
И душа моя совсѣмъ не ослѣпла...
О, я вижу, какъ подымается солнце
Сквозь тучи дыму и мелкаго пепла...
Вижу, какъ оно золотитъ трубы,
Какъ оно смѣется невнятно,
И прикладываю страстно синія губы
Къ стѣнѣ, гдѣ солнечныя играютъ пятна.
А сегодня у меня день наслажденья,
Даже забылъ, что обиженъ недавно,
Сегодня я замѣтилъ весны пробужденье,
И сдѣлалось мнѣ такъ хорошо, такъ славно...
День Воскресный, на улицахъ тише...
Меньше дыму, солнце ярче, чѣмъ въ будень.
Я смотрю на бѣлыя крыши,
Просторъ ихъ всегда безлюдень...
Думаю: поля зимою такія-же точно...
Въ головѣ роятся тихія мысли...
Вижу подъ крышей, у трубы водосточной,
Сосульки ледяныя повисли...
Желтая стѣна полна была свѣта...
Морозъ, но и лучи ярки и быстры,
Одна сосулька солнцемъ согрѣта,
Стала таять и бросала искры...
Искры сіяли, переливались тонко,
И вдругъ, огнями новыми играя,
Сорвалась сосулька и радостно-звонко
Разбилась о камни, внизу, у сарая...
И веселье, и смѣяться хочу я...
Развѣ не весны пробужденье я видѣлъ?...
Кто сказалъ, что я живу, природы не чую —
Тотъ меня напрасно обидѣлъ.
Нѣтъ, мнѣ знакома улыбка природы...
Ничего, что мы въ городѣ, и что бѣдны...
А дѣти мои совсѣмъ не уроды —
Только слабы и блѣдны.

Валентинъ Горянскій.

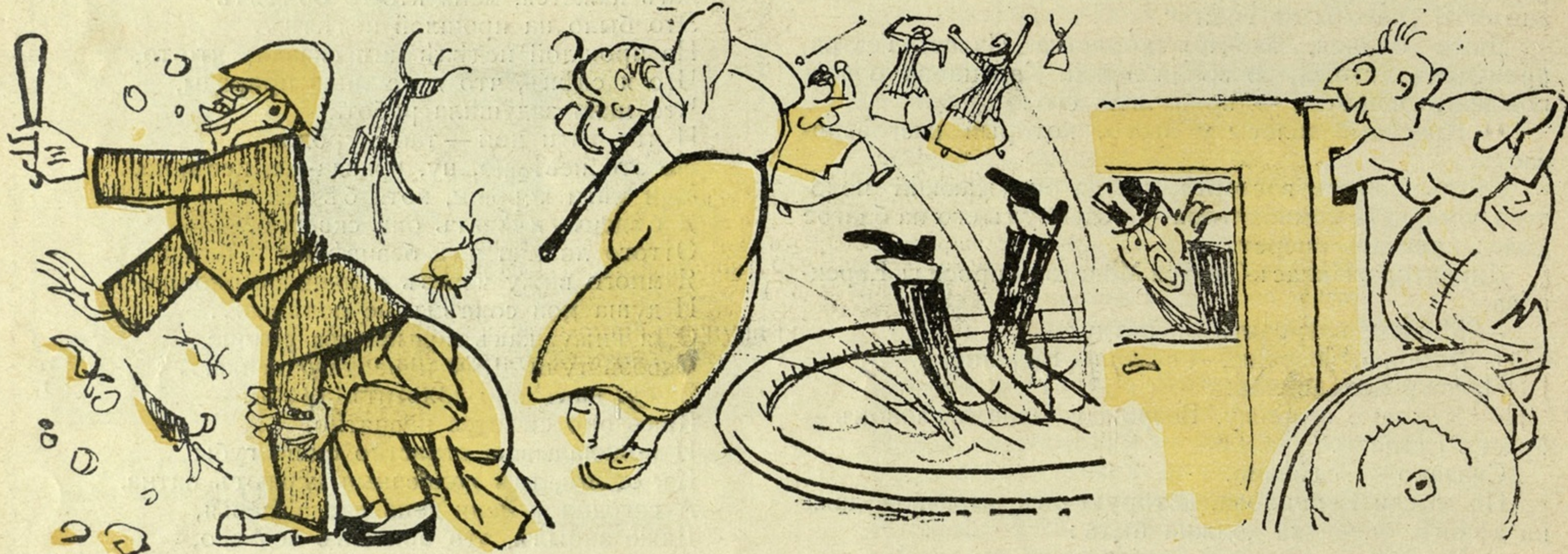
Суффражистки бросили въ лицо премьеръ-министру Лойдъ-Джорджу дохлаго фазана и забросали его гнилыми овощами.

...Заночь вѣрную прислугу успѣли превратить въ суффражистку. Кофе я пилъ безъ аппетита.

Гулять приходится, можетъ быть, немного скорѣе, чѣмъ велѣлъ докторъ.

Потомъ легкой завтракъ — зелень, дичь на съѣжемъ воздухъ.

Отдыхъ въ тѣни во время прогулки.

Послѣ прогулки пріятно принять холодную ванну (такъ спшишь, что даже не успѣваешь надѣть купальный костюмъ).

...Время—деньги. Поэтому, даже на прогулкѣ, чтобы не терять времени, мнѣ дѣлають легкой массажъ.

— О, ужа-а-а-сь!! даже тутъ.

— О, наконецъ - то, конченъ трудный день! Подъ девятью замками, въ глубокомъ подземельѣ, наконецъ-то я отдохну отъ этихъ милыхъ созданий... Какое счастье!

— Кар-а-а-аул-ль!!!! — Спасите-те-те!!! Такъ вопила бѣдная жертва суффражистокъ обдирая съ себя листы танглефута (бумаги для ловли мухъ), которые вмѣсто бѣлья лежали на постели: Увы — только что взятую горничную уже успѣли превратить въ суффражистку.

Горе, горе всякому, кто подниметь руку на слабую беззащитную женщину!

ТОНКАЯ СТИЛИЗАЦІЯ.

Посвящается всѣмъ репортерамъ, описывающимъ великосвѣтскіе вечера.

Вчерашній вечеръ боярскихъ посидѣлокъ, устроенный обществомъ европейскихъ мужчинъ и русскихъ женщинъ, былъ шедевромъ тонкаго вкуса. Хозяйка, баронесса Шнапсвибельклопсъ (урожденная Ври-и-дерисъ), очаровывала всѣхъ своею любезностью, а также своимъ туалетомъ. Костюмъ боярыни, съ пальетками и фижмами цвѣта „застыдившейся боярышни“. Чудный костюмъ сокольничаго былъ у г. Фонъ-Бонтона, — особенно красиво отгѣняли красные плисовые штаны прекрасно сшитый черный фракъ. Блестяще былъ задуманъ и исполненъ костюмъ m-lle Ври-и-дерисъ, изображавшій дѣвку-чернявку: кокошникъ, усыпанный брилліантами и массивные браслеты великолѣпно подчеркивали убожество лаптей, сдѣланныхъ изъ золотой парчи; упомянемъ еще о костюмѣ боярина (чудный охабень, бѣлый жилетъ и шапо-клякъ съ пальетками), костюмъ „днѣпровской русалки“ (розовое трико, хризантемы съ пальетками, газъ и красные сафьяновые сапожки), опричника (горлатная шапка, бѣлые чулки и туфельки) вмѣсто пѣсей головы, которую разбѣянный опричникъ забылъ захватить, баронесса Биргалле любезно предложила ему носить свою любимую болонку Фифи.

Танцевали старинные русскіе танцы, — Танго, Ой-ра и др.

Слышалась непринужденная болтовня на старо-славянскомъ жаргонѣ.

— Ой вы, гой-еси та-ли лебедушка, да еще съ пальетками — où avez vous passé l'été?

— Во чужихъ то-ли краяхъ, во заморскіихъ, проводила я лѣто красное à Nice et à Caen у басурманъ, красавица!

Наконецъ-то красота стариннаго русскаго быта возродилась!!

УЖАСЫ ЖИЗНИ.

Рис. В. Лебедева.

Семью Ферреро посѣтилъ вчера исполняющій обязанности итальянскаго посла г. Бординаро, который просилъ разрѣшенія прѣхать вмѣстѣ съ товарищемъ предѣателя „общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“ прис. пов. М. Г. Мандельштамомъ. Свиданіе состоится на дняхъ. (Бирж. Вид.)

„Защитница“:— Все таки, какъ Европа шагнула впередъ сравнительно съ ними. Право, сравнить нельзя этого истязаемого малютку съ нашими заброшенными дѣтьми. Этого даже въ руки не противно взять.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Микроорганизмы.

Отрывокъ изъ рѣчи октябриста Ю. И. Глѣбова на конференціи октябристовъ:

Мы не желаемъ никого устранять или удалять изъ состава фракціи. Мы хотимъ только знать, кто, дѣйствительно, съ нами и кто противъ насъ. Ходячее опредѣленіе лѣвыхъ и правыхъ октябристовъ сводится на обывательскомъ языкѣ къ тому, что лѣвые — это тѣ, которые кричатъ „караулъ“, а правые это тѣ, которые кричатъ „ура“.

Бываетъ и наоборотъ: если правому октябристу околочный дастъ по затылку, онъ тоже крикнетъ „караулъ“! И лѣвый октябристъ, если ему околочный протянетъ два пальца руки, тоже крикнетъ „ура“!

Впрочемъ, конференцію октябристовъ, какъ и, вообще, всякую жизнь микробовъ, нужно разсматривать подъ микроскопомъ.

Быль домъ, гдѣ...

Недавно, будучи въ Берлинѣ и принимая депутацію русскихъ журналистовъ, премьеръ В. И. Коковцевъ сказалъ:

„... Критикуйте насъ, сколько угодно“...

Будучи въ Берлинѣ, въ сутолокѣ тамошней жизни, легко забыть, что въ Петербургѣ на Театральной улицѣ, справа, если идти отъ Александринскаго театра, — есть большой домъ, выкрашенный желтой краской.

Знаете ли вы, дорогие читатели нашего дѣтскаго журнала — объ этомъ домѣ? Напишите, кто знаетъ что это за домъ и какъ его зовутъ?

„Двуглавый Орелъ“.

Во главѣ партіи „Двуглаваго Орла“ въ Екатеринославѣ стоитъ нѣкій Викторъ Викторовичъ Лутковскій. Онъ же редакторъ газеты „Двуглавый Орелъ“. Онъ разсылаетъ телеграммы по градамъ Россіи, диктуетъ министрамъ предписанія, одобряетъ и порицаетъ законы и законодательныя учрежденія.

Но это еще присказка, а сказка впереди:

А въ городѣ Екатеринославѣ состоялъ полицеймейстеромъ М. Феличкинъ. Пока былъ полицеймейстеромъ — молчалъ и повиновался. Выгнали его — и заговорилъ. И вотъ, на страницахъ „Южной Зари“ г. Феличкинъ помѣстилъ открытое письмо къ Лутковскому. Просить бывшій полицеймейстеръ „лидера“ черной сотни о слѣдующемъ: въ 1900 году въ одесской тюрьмѣ, по постановленію судебнаго слѣдователя, содержался нѣкій Викторъ Викторовичъ Лутковскій, обвиняемый по 556 ст. (изд. 1885 г.). Другими словами, обвиняемый подлежалъ отвѣтственности „за поддѣлку монеты золотой, серебряной, платиновой и мѣдной“, каковое художество награждается каторжными работами срокомъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

Лутковскій, однако, скрылся, и задержать его не удалось. Такъ вотъ, г. Феличкинъ, наслышанный о „кристальной чистотѣ поборника правды и справедливости“ В. В. Лутковскаго — редактора „Двуглаваго Орла“, просить онаго редактора помочь судебнымъ и административнымъ властямъ задержать уголовного арестанта В. В. Лутковскаго, скрывающагося отъ суда.

Внѣшность полицеймейстера Феличкина такова: маленькій, толстенный на коротенькихъ ножкахъ. Но главное, что у него — руки коротки!

Руки коротки! Руки коротки! Тебѣ-ль съ „орломъ“ состязаться?!

Въ религіозномъ экстазѣ...

Отпраздновали:

На-дняхъ, по словамъ „Утра“, въ с. Выползово, Никольской вол., Тимскаго у., Курской губ., происходила закладка Дмитріевскаго храма при большомъ стеченіи молящихся. Послѣ торжества закладки былъ устроенъ прихожанами пиръ. Выпито было 100 четвертей водки, 1000 бутылокъ пива и съѣдено

около 1000 штукъ разной птицы, 200 пудовъ мяса. Въ результатѣ — нѣсколько человекъ умерло, многіе отправлены въ земскую больницу.

На ста четвертяхъ водки акцизное вѣдомство заработало чистыхъ около 500 рублей.

Дымные люди.

Въ изданныхъ Спб. Городскимъ Управленіемъ „правилахъ для шоферовъ прокатныхъ автомобилей“ встрѣчаемъ загадочный § 12-й:

„Во время ѣзды шоферы обязаны... не выпускать дыма“.

Интересно, какъ Городское Управленіе представляетъ себѣ шофера? Изъ чего онъ сдѣланъ и почему можетъ ухитриться „выпускать дымъ“.

И почему только во время ѣзды онъ обязанъ не выпускать дыма? Во всякое время никто и нигдѣ изъ живыхъ людей не долженъ и не можетъ выпускать дыма.

Къ свѣдѣнію Пранайтиса.

Изъ газеты „Казань“:

Домовладѣлецъ Козьей слободы Григорій Филимоновъ, возвращаясь домой, услышалъ какой-то стукъ въ сараѣ.

Изъ сарая выбѣжалъ и скрылся на улицу рабочій Зуевъ. Въ сараѣ Филимоновъ былъ пораженъ такой картиной: Отъ стѣны къ стѣнѣ метался теленокъ съ только-что отрубленнымъ хвостомъ.

А хвостъ висѣлъ на веревкѣ.

Хотя жидовская пасха и еще не скоро, но уже грозные ритуальные признаки появляются то здѣсь, то тамъ.

ИСКРЕННИЙ ПОРЫВЪ.

Нѣкто, ѣхавшій по морю на пароходѣ во время сильной бури, воскликнулъ:

— Господи! Я не хочу просить у Тебя многого: спаси меня одного.

С. Ш.

АНТИЧНАЯ ДѢВУШКА.

Какъ у многихъ необыкновенныхъ дѣвушекъ—у нея оказалась самая обыкновенная мать, вдова, живущая на пенсію, и самый обыкновенный братъ—студентъ-техникъ.

Дунувъ на блюдечко съ чаемъ, ея мать сказала,— и въ ея голосъ слышались гордость и еще не остывшее изумленіе:

— Да, вотъ, какъ мы, теперь— танцовщицами за-дѣлались. Какъ на антипатичныхъ вазахъ.

И, для провѣрки, бросила быстрый взглядъ на необыкновенную дочь, по плоскому лицу которой пробѣжала усмѣшка—словно вѣтерокъ задѣлъ темную осеннюю лужицу.

— Мда-а... дѣйствительно,— протянулъ студентъ-техникъ, съ покорнымъ видомъ, убѣжденнаго фактами, скептика.— Это мы можемъ.

Несмотря на множественное число, легко было догадаться, что талантомъ обладала только она—худая, нескладная и некрасивая дѣвушка съ лицомъ цвѣта неровно размѣшаннаго цементнаго раствора и водянистымъ самоувѣреннымъ взглядомъ.

— Совсѣмъ какъ на антипатичныхъ вазахъ,— повторила со вкусомъ мать.— Сначала мы всѣ думали, что она это такъ себѣ, изъ своей головы выдумываетъ—кружится, и кружится, а потомъ-то ужъ оказалось, что все это, какъ есть, изъ древности, до Рождества Христова... Еще когда язычники жили. Да, вотъ она сама вамъ расскажетъ. Вѣруся, не стѣсняйся, расскажи.

Вѣруся и не думала стѣсняться.

Быстрымъ движеніемъ закинула за ухо выбившуюся прядку мочальныхъ волосъ и, охвативъ руками костистое колѣно, начала:

— Произошло это совершенно случайно и какъ-то сразу.

Однажды утромъ, прыгнувъ съ кровати, я увидѣла себя въ зеркало и вдругъ поняла все. Я была въ одной рубашкѣ.

— Въ туникѣ,—осторожно поправила мать.

— Туника—это ужъ потомъ, а тогда она мнѣ еще казалась простой рубашкой...

Я начала кружиться по комнатѣ, танцовать, порхать. Потомъ я внезапно остановилась, меня охватилъ страхъ и я заплакала. Заплакала отъ ужаса передъ своимъ тѣломъ.

— Ну, Вѣра, это ужъ ты оставь,—попробовала запротестовать, обидѣвшаяся за нее, мать.— Все, слава Богу, есть, на своемъ мѣстѣ, не хуже другихъ.

Дочь нетерпѣливо передернула острыми плечами и продолжала:

— Заплакала отъ ужаса передъ могуществомъ своего тѣла, передъ ароматной змѣистостью его трепетаній и линий. Мнѣ показалось, что я его ненавижу, но потомъ догадалась, что плакала отъ обожанія, отъ преклоненія передъ его чистотой и отъ неслышной музыки излучающихся мелодій. И опять начала кружиться.

— Даже къ завтраку не вышла,—любовно припомнила мать.— Такъ битки и простыли.

Но осѣклась подъ холоднымъ взглядомъ необыкновенной дѣвушки.

— Да ты-бы лучше на дѣлѣ показала, чѣмъ рассказывать,—крякнулъ, затаившись папиросой, техникъ.— Или не въ настроеніи?

— Нѣтъ, почему-же?—пожала плечами дѣвушка.— Только я должна кое-кого предупредить...

Она обратилась ко мнѣ съ плохо-прикрытымъ отѣнкомъ презрительной ироніи:

— Я должна предупредить, что если вы просто думаете воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы посмотреть на полу-обнаженное женское тѣло...

— Вѣруся!—остановила ее мать.

— Во всякомъ случаѣ, какъ-бы тамъ ни было, я не боюсь этого,—надменно перебила ее дѣвушка.— Если кто-нибудь не увидитъ въ моемъ танцѣ ничего кромѣ тѣла—тѣмъ хуже для него!

Слова дѣвушки оказались пророческими.

Черезъ пять минутъ она появилась въ туникѣ, я увидѣлъ ея тѣло, и тѣмъ было хуже для меня.

Не тратя словъ, дѣвушка высоко подкинула без-

полые, какъ суставъ бамбука, колѣни, согнула шею и заскакала по комнатѣ.

Студентъ-техникъ принялъ ноги и блюдечко съ вареньемъ, а мать взволнованно передохнула и откашлялась, чтобы быть готовой къ отпору подступившихъ къ горлу материнскихъ чувствъ.

Я подался впередъ, жадный до воспріятія, чуткій зрѣніемъ и слухомъ.

Дѣвушка трижды обскакала столъ, трижды съ испугомъ посмотрѣла на самоваръ, задержалась около стула, мѣся воздухъ вертикальными ударами безропотныхъ ногъ и опустила на одно колѣно.

Танецъ окончился.

Ея бѣдная грудь, съ дурно растянutoй по ключицамъ кожей, беспорядочно вздрагивала и трепетала какъ сбитая палатка подъ осеннимъ вѣтромъ.

Лицо было скрыто и уныло смотрѣли и никли, коричневой кожи, локти.

— Тсс...—предупредилъ техникъ.

Но вотъ локти упали, изъ груди матери вырвался глубокой вздохъ. Техникъ чиркнулъ спичкой и зажегъ потухшую папиросу.

— Поняли что-нибудь?—насмѣшливо и свысока бросила дѣвушка и, позабывъ объ отвѣтѣ, принялась укладывать по бедрамъ тунику.

Ложное самолюбіе не позволило мнѣ промолчать, и я отвѣтилъ увѣренно:

— Ягненокъ навстрѣчу восходящему солнцу... Зеленый лугъ, цвѣты.

— Дѣвушка посмотрѣла мнѣ въ глаза и, быстро смазавъ отразившуюся было въ нихъ идиллію, красно-рѣчиво развела голыми, какъ макароны, руками и от-вернулась.

— Ну, знаете...

И смолкла.

— Мда-а... это вы дѣйствительно того,— сконфузился за меня техникъ.— Скажите, вы гдѣ раньше работали?

— Въ акцизѣ,—солгалъ я, чтобы они больше не удивлялись моему невѣжеству.

Дѣвушка пренебрежительно улыбулась, взяла стулъ и усѣлась въ уголъ, спиной ко мнѣ.

Я наткнулся взглядомъ на пару сѣрыхъ, острыхъ лопатокъ, цвѣта запыленного воска, и сталъ прощаться.

Студентъ молча сунулъ длинную волосатую руку, обыкновенная мать громко вздохнула, потомъ сказала тихо и съ упрекомъ:

— Какъ-же это такъ—такой интеллигентный человекъ, а не поняли. Я—простая женщина, а и то вижу: Вѣруся—какъ будто нимфа, а онъ—сатиръ; только его, конечно, не видно.

Какъ на антипатичныхъ вазахъ.

Георгій Ландау.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Екатеринославскіе кинематографы объявили:

„... Демонстрируемъ мировой шедевръ, перлъ русской литературы“.

Знаете, что это за перлъ, отысканный пѣтухомъ Патѣ?

„Ключи Счастья“—Вербичкой!!

Вотъ ужъ подлинно:

Жемчужну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашель навозное зерно.

* * *

Сенсація:

Въ послѣднемъ номерѣ „Синяго Журнала“ помѣщенъ среди прочихъ рѣдкостей „портретъ усатой курсистки“ со слѣдующей подписью:

Въ одномъ изъ крупныхъ городовъ нашего юга злобой дня среди мѣстныхъ обывателей является Анна К-ая, у которой большіе... усы!

Усатая курсистка вовсе не смущается этимъ несвойственнымъ ей полу-украшеніемъ.

Одинъ изъ нашихъ читателей прислалъ вырѣзку объявленія о средствѣ для уничтоженія волосъ изъ журнала L'illustration за Декабрь 1912 г.

И что же!

Въ объявленіи этомъ мы находимъ рекламное изображеніе двухъ женщинъ—одна женщина съ усами (до употребленія средства). Другая безъ усовъ (послѣ употребленія). Усатая и перепечатана „Синимъ Журналомъ“ изъ L'illustration...

Вотъ какъ легко раскрылась тайна портрета Анны К-ой.

* * *

„Новый Сатирикон“ послѣ „усатой курсистки“ совѣтуетъ „Синему Журналу“ и помѣститъ слѣдующія сенсаціи:
 Портретъ каторжника Билли Бонса, зарѣзавшаго въ Новой Гвѣанѣ 128 человекъ (портретъ—взятъ изъ объявленія „я былъ лысымъ“).
 Первая женщина - полицеймейстеръ въ штатѣ Миссури (портретъ—изъ объявленія „Моя мать была страдальцей“).
 Эйфелева башня въ Парижѣ (снимокъ бутылки шустовской рябиновой).
 Дешево и — со стороны читателей — сердито.

Тотъ-же „Синій Журналъ“, рассказывая въ отдѣлѣ „Кунсткамера“ о гениальномъ слонѣ, умѣющемъ писать на машинѣ и считать, добавляетъ:
 Его дрессировщикъ надѣется, что современемъ сумѣетъ помѣстить своего воспитанника въ какое-нибудь бюро или банкъ...
 Почему-бы редактору „Синяго Журнала“ не пригласить этого слона для завѣдыванія отдѣломъ „Кунсткамеры“?

Что печатается въ отдѣлѣ „Хроника“ въ газетѣ „Озерной Край“ — (Новая Ладога, СПб. губ.)
 А вотъ:

Хроника.

Намъ передали, что въ селѣ Глажевъ, Новолодожскаго уѣзда, ходятъ слухи о томъ, что будто-бы нѣкая дѣвица въ недавнемъ прошломъ была въ интересномъ положеніи и, не отлучаясь никуда изъ своего села, опять стала въ нормальномъ положеніи, не обнаруживъ „тайнаго плода любви несчастной“.
 Въ той же газетѣ — публикація:

ПОРОСЕНОКЪ маленькій пропалъ въ ночь со 2 на 3 Августа, совершенно бѣлый, носъ задравши кверху.
 Доставить за вознагражденіе къ И. Я. Созину.
 Примѣта „носъ задравши кверху“ такая-же непрочная, какъ и слѣдъ на сыпучемъ пескѣ: стоитъ только поросенку опустить носъ книзу — и его никто не отыщетъ.

ВИЛЛА РОДЭ
 Дирекція АДОЛЬФА РОДЭ
 У СТРОГАНОВА МОСТА.
 Телеф. 77-34 и 136-60.

**ЕЖЕДНЕВНО
 БЛЕСТЯЩІЙ ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ**
 изъ знаменитыхъ Etoiles и атракціоновъ.
 ПОДРОБНОСТИ СМ. ВЪ АФИШАХЪ.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ
 Михайловская площадь, 13.
 Тел. 85-99, 64-76, 149-53.
 Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ, М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко.

СОСТАВЪ ТРУППЫ.
 Е. И. Варпамова, Е. В. Збр.-Пашковская, В. В. Кавецкая, Е. Ф. Лерма, А. Г. Пекарская, В. М. Шувапова, А. С. Аренская, Е. А. Авдѣева, В. Н. Балле, Н. А. Дарвичъ, М. В. Марьянова, О. К. Рейская, А. К. Флагенъ; Гг. Н. М. Антоновъ, А. М. Брагинъ, В. Ю. Вадимовъ, А. Ф. Валерскій, И. И. Коржевскій, М. Д. Ксендзовскій, Я. Н. Феона, К. В. Дагмаровъ, К. И. Дмитриевъ, М. Ф. Клодникій, К. Л. Людвиговъ, Н. К. Мартыненко, Н. Х. Тугариновъ.
 Гл. реж. В. Ю. Вадимовъ. Реж. А. Н. Половъ. Гл. кап. В. И. Шпачекъ.

**СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО
 КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА и ОПЕРЕТТА.**
 Главн. реж. В. Ю. Вадимовъ. Главн. кап. В. Шпачекъ.
 Нач. въ 8 1/2 ч. веч. Променуары въ театрѣ 1 руб.
 ГОТОВИТСЯ КЪ ПОСТАНОВКѢ
Веселый философъ
 оперет. въ 3 д., муз. Эйслера.
ИСКЛЮЧИТЕЛЬН. УСПѢХЪ ВЪ ВѢНѢ!

По оконч. оперет. въ конц. залѣ
КОНЦЕРТЪ-VARIE до 4 ч. у.
 Гастроли изв. куплет. автора
С. Ф. САРМАТОВА.
 Вся новая программа.
 Выходъ знам.
5 японцевъ ЯМАГАТА.
М. А. Лидарской.
 М-ле SOLEA, Тильда, Руфать-Бей, Нелли и др.

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ
 Литейный, 51. Тел. 112-75.
 Подъ упр. Б. С. Неволлина.

Сегодня **НОВАЯ ПРОГРАММА**, польз. больш. успѣхомъ.
 1) „Сугихара-Санъ-Славная женушка“, япон. ком. 2) „Добрый шутъ“, япон. ком. 3) „Благодарность“, бал. 4) „У жизни въ лапахъ“, бал. 5) опер. „Нянька“, исп. г. Антонова и Ленаръ. 6) „Натурщица“, 7) „Русскій лубокъ“, исп. г. Антонова и др. 8) Интермедіи.
 Режиссеры: Б. С. Неволлинъ, бар Р. А. Унгеръ.

ТЕАТРЪ ЗОН
 Каменноостр., 42.
 Тел. кассы 244—44.
 Тел. конторы 125—28.

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО
 подъ режиссерств. А. Д. Кошевскаго
РУССКАЯ ОПЕРЕТТА и ОПЕРЫ-ПАРОДИИ.
 Главный дирижеръ А. А. Тонни.
 Начало обзорн. ровно въ 8 1/2 ч. в.
 Билеты продаются въ кассѣ театра съ 11 час. утра и въ Центральной кассѣ, Невскій, 23.

По окончаніи спект. веселый **„BALL-TANGO“** до 4-хъ ч. у. Входъ бесплатный.
 Сегодня новая программа: всемірно-извѣстн. Панцеръ, москов. хоръ Красновой, Шефферъ съ пѣтухами и собаками, трио исполн. „Танго“ Сальсъ и Полъ. Блестящія танцовщицы и diseuse.
 1-ая гастроль **МАКСА ЛИНДЕРА** съ его ансамблемъ 21 ноября.
 Кап. С. Штейманъ. Реж. А. Андре.

Ежедн. съ 4 1/2 ч. до 7 ч. в.
5 О'СЛОСК ТЕА
 при уч. балета и лучш. №№ танц. программы Свѣтло, тепло, весело, уютно! Много фешенебельн. публики. По праздникамъ обѣды. Первоклассная кухня.

Театръ В. Линъ.
 Фарсъ, Невскій, 56.
 Телеф. 513-28.

Веселый жанръ, подъ упр. Р. З. Чинарова.
ЕЖЕДНЕВНО БОЕВАЯ НОВИНКА
„Дѣвушка съ мышкой“,
 въ 4 д. Кочергина.

Во 2 актѣ **СЕАНСЪ КРАСОТЫ!**
Натурщицы! Позы!
 Участвуетъ вся труппа.
 Начало въ 8 1/2 час. вечера.
 Режиссеръ В. И. РАЗСУДОВЪ-КУЛЯБКО.
 Администраторъ И. И. ЖДАРСКІЙ.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ
 (бывшій Панаевскій).
 Дирекція К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке.
 Адмиралтейская наб., 4.
 Телеф. 19-50 Касса и 578-82 Администр.

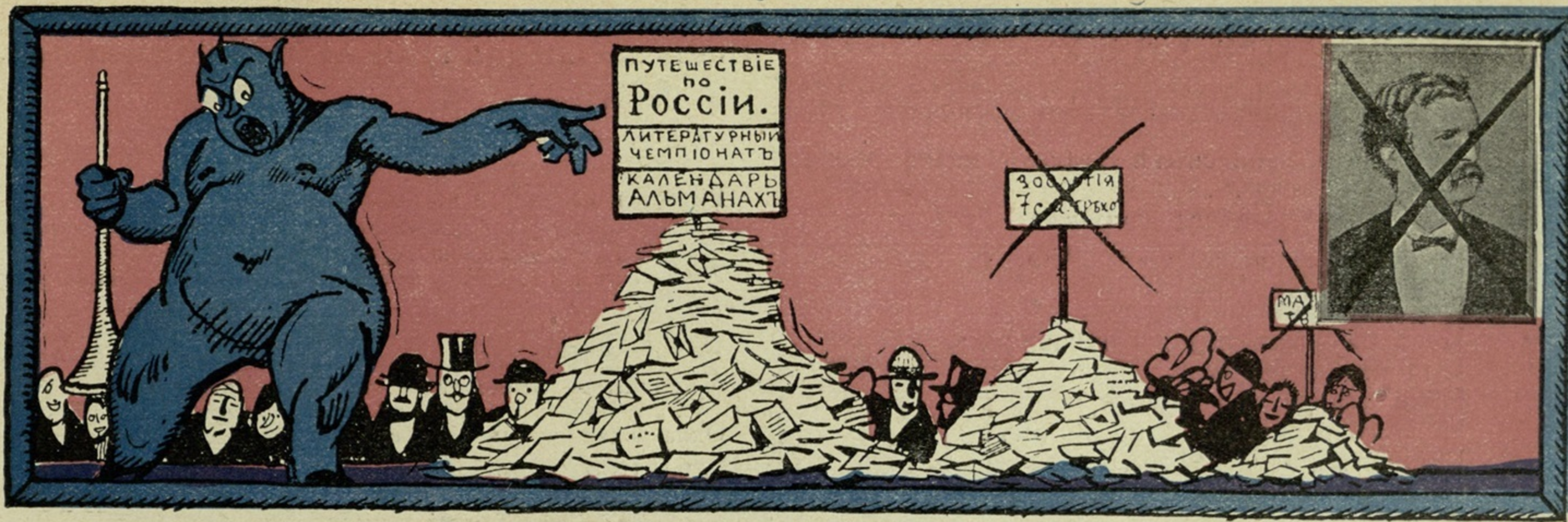
ЕЖЕДНЕВНО
 предст. будетъ **„РЕВНОСТЬ“** М. АРЦЫБАШЕВА.
 Драма въ 5 дѣйствіяхъ.
 Пост. К. Н. Незлобина. — Билеты прод. въ кассѣ театра съ 11 ч. у. до окон. спект.

Restaurant Français
ALBERT
 Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61.

Déjeuners, diners et soupers à prix-fixe et à la carte.
 Cuisine française et italienne.
 Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.
 Pendant les diners et les soupers musique „Trio Bisacchi“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ „ВВНА“
 ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.
 Комфортабельные кабинеты.
 Торг. до 3-хъ ч. ночи.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТЫ О ПРЕМІЯХЪ.

Въ отвѣтъ на объявленную нами среди подписчиковъ анкету о преимуществѣ той или другой преміи на 1914 г. нами получено уже такое количество отвѣтовъ, — что мы смѣло можемъ сдѣлать выводы.

Именно:

ПЕРВАЯ СЕРІЯ — 232 отвѣта.

ВТОРАЯ СЕРІЯ — 1324 „

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ — 623 „

При этомъ, почти во всѣхъ указаніяхъ на вторую серію есть примѣчаніе: „Желательно-бы получить также картину-шаржъ Ре-Ми — „Литературный Чемпионатъ“ и „Календарь-Альманахъ на 1914 годъ“.

Эти примѣчанія попадались на 70% всѣхъ отвѣтовъ.

Идя навстрѣчу желаніямъ большинства будущихъ подписчиковъ, мы увеличиваемъ вторую серію, т. е. даемъ вмѣсто двухъ премій — три, оставляя въ то-же время главную: „Путешествіе Сатириконецъ по Россіи“. Наименьшее количество отвѣтовъ съ указаніемъ первой серіи мотивировано подписчиками; почти всѣ указываютъ, что Маркъ Твэнь не представляетъ никакого интереса, будучи уже раньше *купленъ* и прочтѣнъ. Указывалось и на то, что премія „Маркъ Твэнь“ малооригинальна (ее давали въ 1911 г. къ журналу „Природа и Люди“ икъ др.).

Такимъ образомъ, отъ сего числа издательство официально объявляетъ подписку на 1914 г., на журналъ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ съ тремя преміями. **52** НОМЕРА ЖУРНАЛА. Журналъ печатается на хорошей плотной бумагѣ, въ въ 8—9 красокъ. Въ теченіи года будетъ дано около 1000 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ (см. списокъ сотрудн.).

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ:

Путешествіе сатириконецъ по Россіи.

Большой томъ. Масса иллюстрацій и карикатуръ.

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧЕМПИОНАТЪ“.

Большая многокрасочная картина-шаржъ, работы Ре-Ми.

Календарь-Альманахъ на 1914 годъ.

При участіи лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Составъ сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, В. Кустодіевъ, В. Лебедевъ, А. В. Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизевъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аго), В. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Войновъ, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. И. Каменскій, Г. Ландау, Б. Милль (Полярный), Сергій Михѣевъ, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Кузьм. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Борисъ Садовскій, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ (безъ дост.) **6** р. Съ пересылкой и доставкой 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Нѣсколько словъ о главной преміи.

Сатириконецъ уже доказали, что они смѣлы и отважны, — отправившись въ „Экспедицію по Западной Европѣ“. Но это, конечно, ничто, въ сравненіи съ путешествіемъ по Россіи.

О покойникахъ не говорятъ плохо, но мы сомнѣваемся, рискнули-ли бы Генри Стэнли, Ливингстонъ и Дюмонъ-Дюрвилль — съ такимъ легкимъ сердцемъ отправиться въ путешествіе по Россіи, какъ они отправились въ экзотическія страны.

То-то и оно. Всякій читатель, конечно, легко пойметъ это. На рисунокѣ, помѣщенномъ внизу этого объявленія, любопытный можетъ увидѣть одинъ изъ пустычныхъ обычныхъ эпизодовъ нашего будущаго путешествія — и оцѣнить наше мужество.

Здѣсь-же ясно можно видѣть, что сочувствіе разныхъ народностей, населяющихъ Россію — всецѣло на нашей сторонѣ.

Издательство.

ПРО ЗАЙКУ.

(A propos des bottes).

Жиль-быль на свѣтѣ Зайка —
Сѣрый Русакъ...
По англиски звался: „дуракъ“,
По нашему, просто: „незнайка“.
Быль онъ сѣръ и глупъ,
Носилъ овчинный тулупъ
И въ ежовыхъ ходилъ рукавицахъ.
Помнилъ о разныхъ „лицахъ“,
Но считался лѣнтяемъ и воромъ
И жилъ всегда подъ надзоромъ;
Вставалъ съ разсвѣтомъ;
Питался морковью лѣтомъ,
А зимой суровой —
Быль сытъ и половой.
Найдетъ воды да капустки кочанъ —
Сытъ и пьянъ.
Такъ онъ кряхтѣлъ понемногу,
Моляся Богу...
Безъ указки не могъ ходить —
Про него даже сказки
Нельзя сложить!..

Л. И. Заволода.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Ф. Кир. — Первая строка стихотворенія: —

Тѣло изношено, сердце засохнуло.

Рукопись издохнула въ корзинѣ

Огородный пер. — Григорьеву. — Слишкомъ примитивно.

Андрею Дэви. — Разсказъ, къ сожалѣнью, не подошелъ.

Льсной кор. — Н. Н. — Начало понравилось, конецъ расхо-
лаживаесть.

Б. Провинція.

Ярославль. — Зимогору. — „Не знаю, — пишетъ Зимогоръ, —
какъ ужъ и влѣзть къ вамъ, въ „Нов. Сатириконъ“.Окна редакціи выходятъ на людную часть Невскаго про-
спекта. Рамы двойныя. Нельзя.Харьковъ. — Н. О. П-у. — „Долженъ сказать откровенно:
у меня рѣдкіе стихи!“Этимъ не нужно хвастать. У одного нашего друга были
рѣдкіе волосы — и что-же! Онъ это тщательно скрывалъ.Могилевъ. — Динину. — „...Кофточка у нея на спинѣ
растегнулась, такъ что была видна вся несозрѣвшая еще грудь“Едва-ли грудь, достигающая спины, можетъ быть названа
несозрѣвшей. Рукопись уничтожили.Омскъ. — Мистеру Дикю. — „Нужно быть идиотомъ, — пи-
шетъ Дикъ, — чтобы не напечатать такихъ стиховъ...“

И всетаки вы ихъ не напечатаете, Дикъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Издательство „Новый Сатирикон“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій

С.-Петербургъ, Невскій 55, книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія:

ТОМА ОПИСКИНЪ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ
автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ
Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-Ми — 1 руб. 25 коп.

А. Мюрже.

„БОГЕМА“.

Роскошное иллюстрированное изданіе. Обложка
работы художницы Миссъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библіотека. 3 тома. Въ изящныхъ обложкахъ худ. Чехонина. Цѣна каждого тома 2 рубля.

Томъ I. (Сборникъ одноактныхъ пьесъ).

Содержаніе: Гололедица. — Красивая женщина. — Рыцарь
индустрии. — Конецъ любви. — Юбилей антрепренера. —
Настоящіе парни. — Безъ ключа. — Четверо.

Томъ II. (Миніатюры и монологи для сцены).

Содержаніе: Новогодняя Пасха. — Родственная кровь. —
Старики. — Лѣто. — Ложь. — Знаменитый трансформаторъ. —
Власть рока. — Таинственный гость. — Прологъ. — Функель-
манъ и сынъ. — Роковая гребенка. — Загадочная телеграмма.

Томъ III. („Чертова дюжина“. 12 пьесъ).

Содержаніе: Прологъ. — Хлѣбосоль. — Визитеры. — Человѣкъ за ширмой. — Душа общества. — Женская доля. —
Съ корнемъ. — Отбивная котлета. — Дамы. — Натурщица. — Неразговорчивый сосѣдъ. — Искусство любить.

Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ:

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка худ. Ре-Ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ДМ. ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

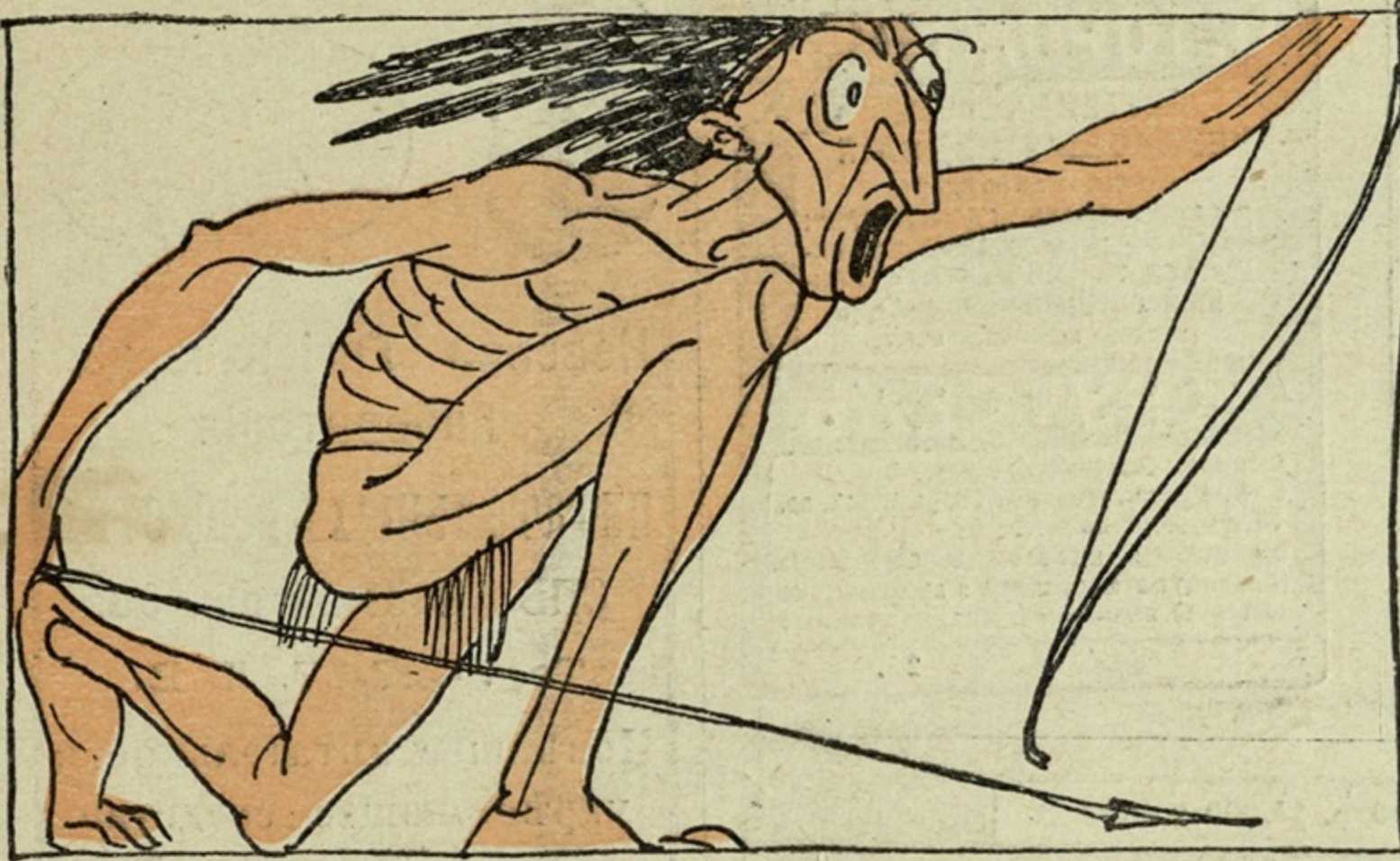
Обложка худ. Чехонина. Цѣна 1 руб. 25 коп.

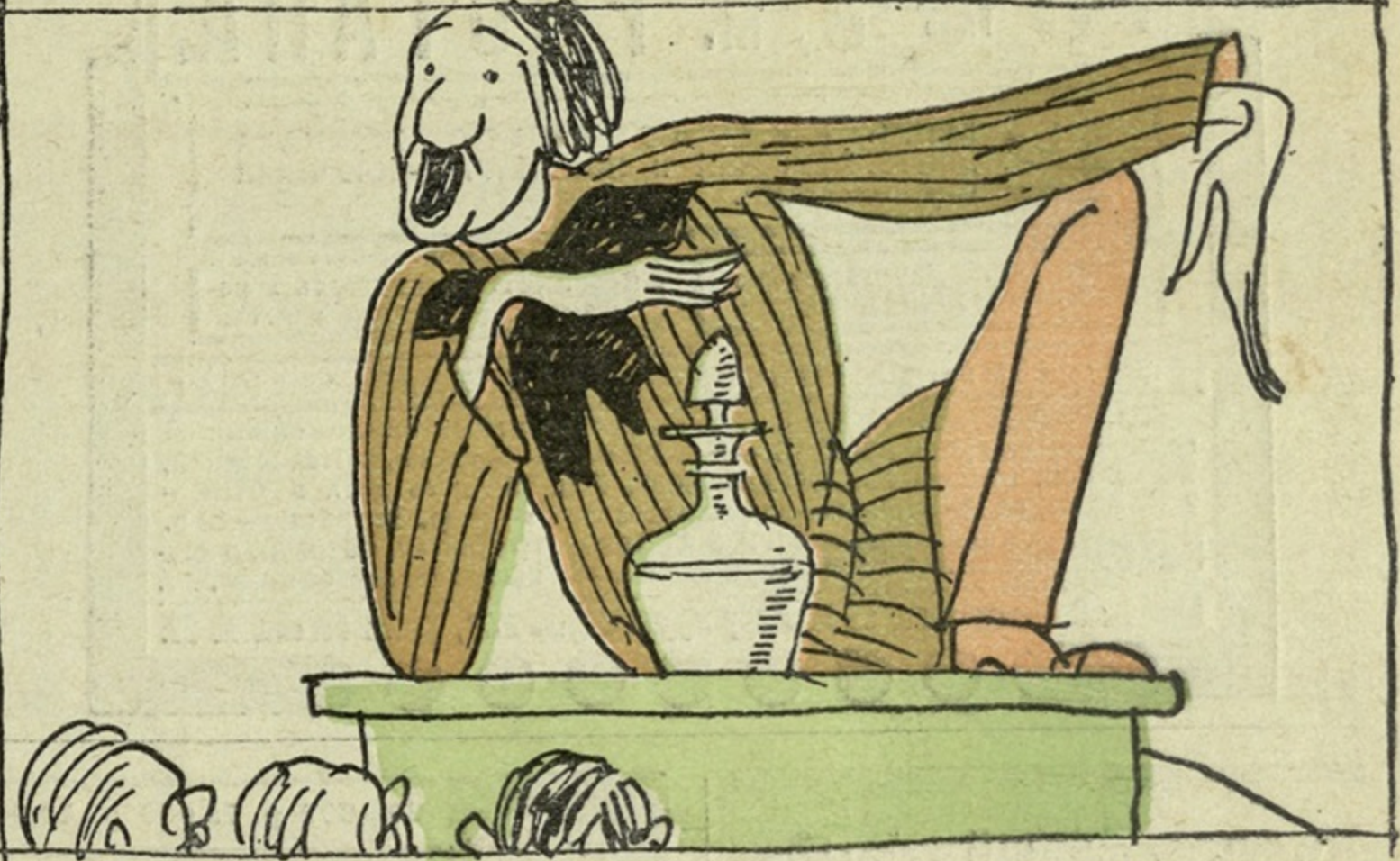
Готовясь къ битвѣ, дикарь окрасилъ себя въ боевой цвѣтъ.

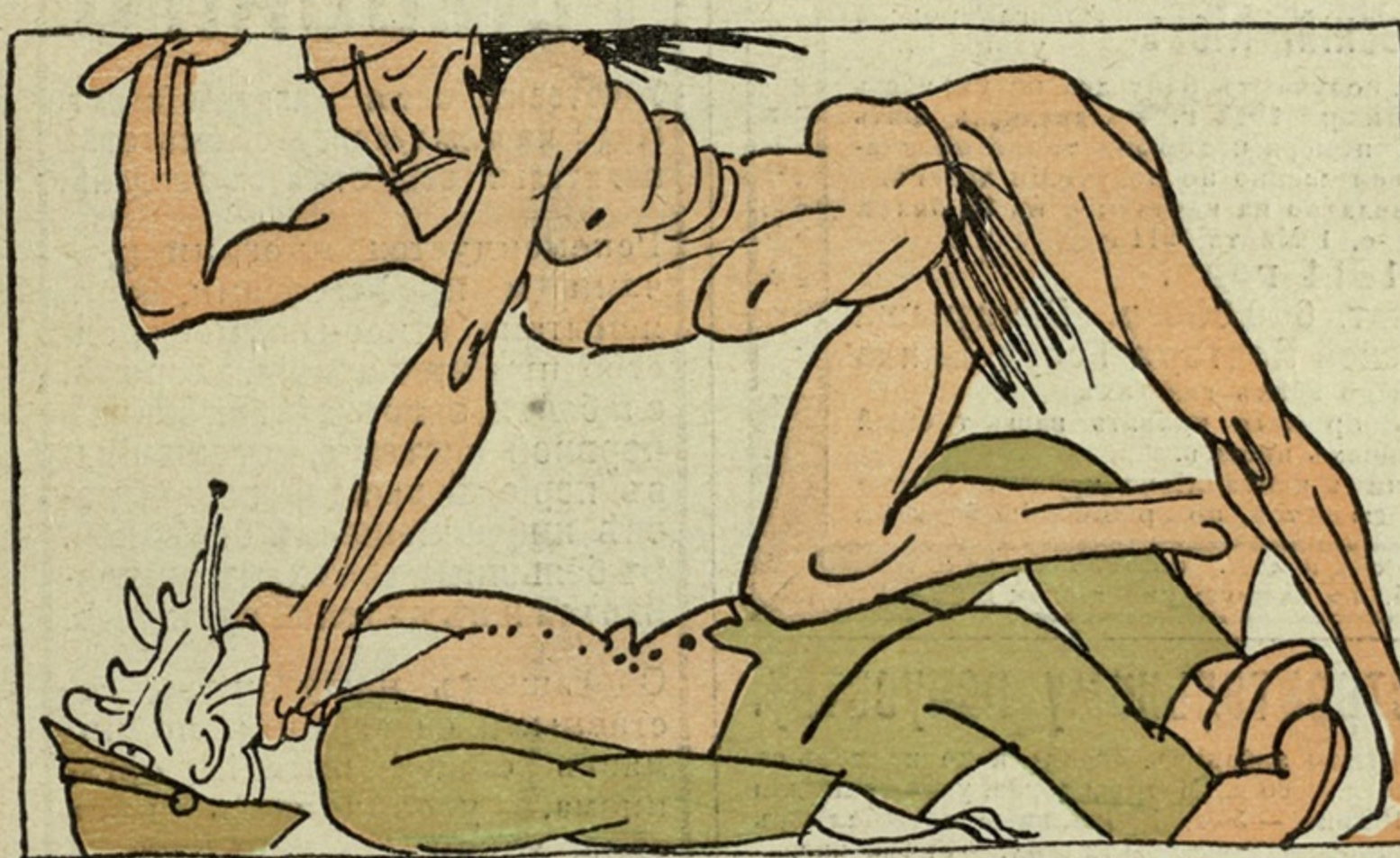
Готовясь къ битвѣ, дикарь окрасилъ себя въ боевой цвѣтъ.

Чтобы напугать враговъ своихъ, онъ издалъ боевой кличъ. Нѣчто среднее между собачьимъ воемъ, свистомъ паровоза и ревомъ раненаго медвѣдя.

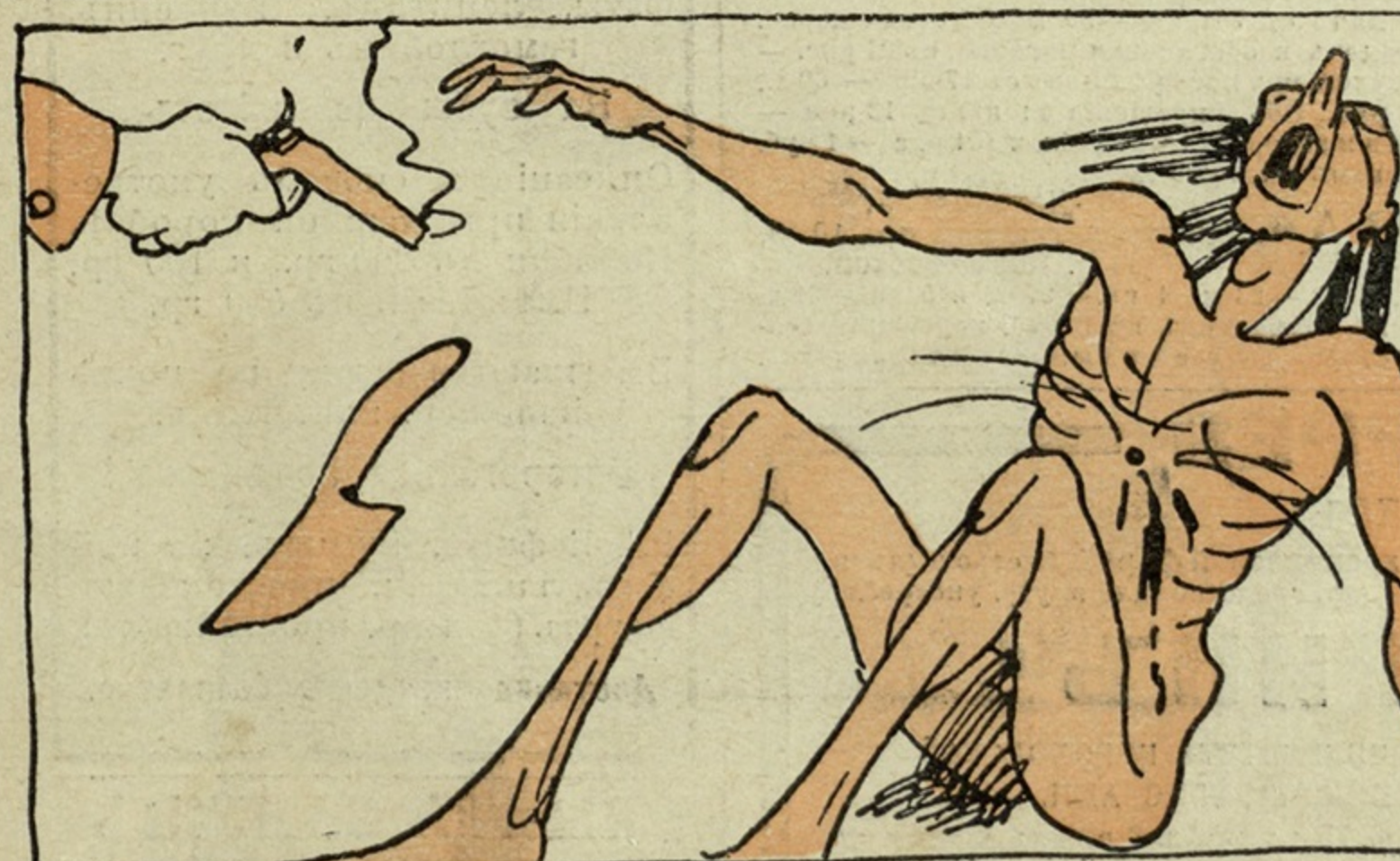
Чтобы напугать слушателей, онъ испустилъ вопль боего стихотворенія. Нѣчто среднее между мычаніемъ пьянаго идиота, руганью ломовика и воемъ сумасшедшаго.

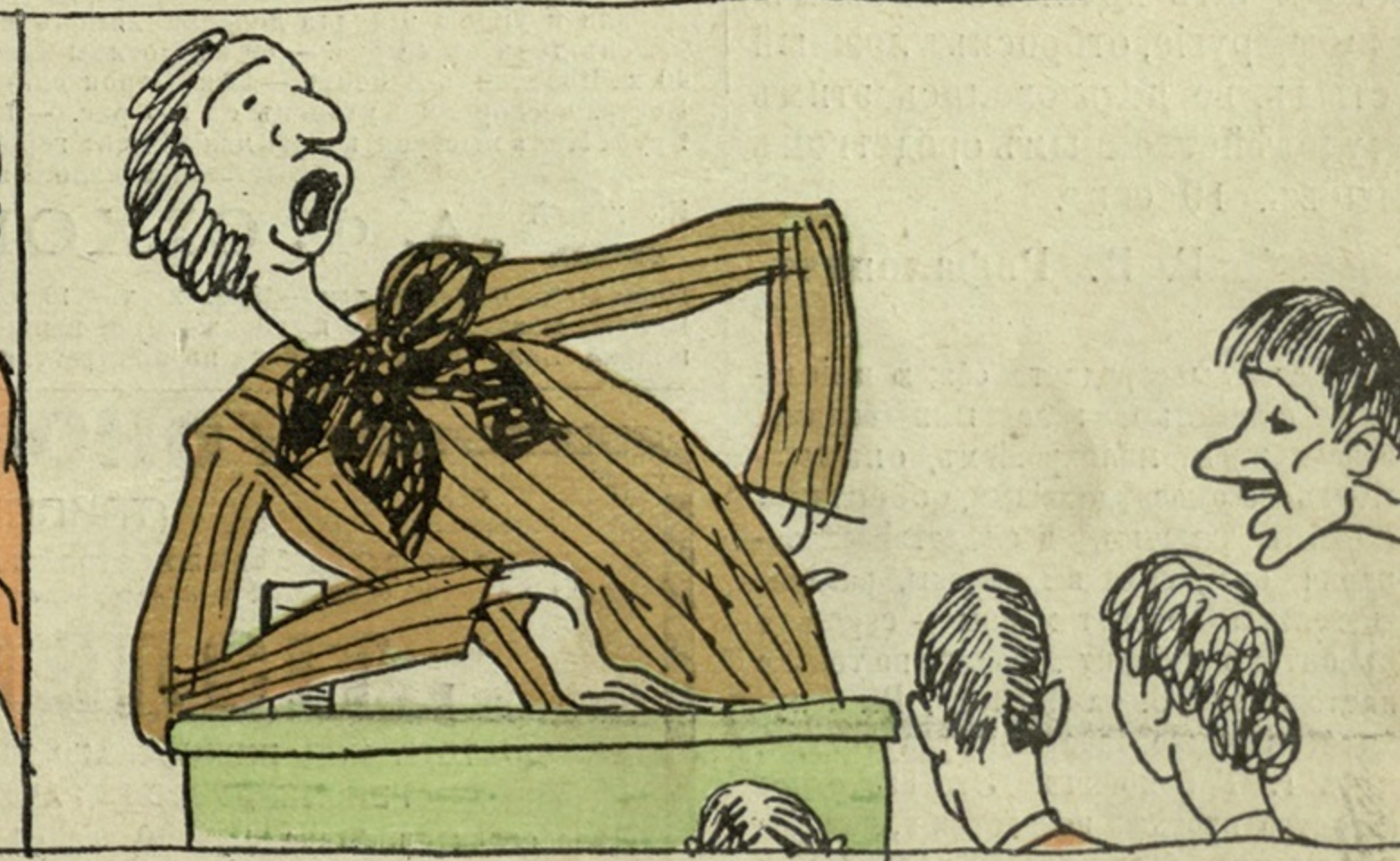
Потомъ, чтобы доказать свою силу — свое право, дикарь сталъ работать тамагавкомъ.

Потомъ, чтобы доказать публикѣ красоту своего стихотворенія, дикарь пускаетъ въ ходъ бутылки, свои собственныя руки и все, что попадаетъ подъ нихъ.

Увы! тутъ сходство судьбы дикаря и футуриста, къ великому нашему сожалѣнію, кончается. Вотъ какъ съ нимъ поступаютъ!

А мы... мы ходимъ на лекціи къ футуристамъ и за оскорбленія и побои платимъ еще деньги, читаемъ о нихъ лекціи, покупаемъ ихъ книги... Боже мой, Боже мой! Какъ намъ далеко, какъ безнадежно далеко до европейцевъ.